

СТАЛО
ИЗВЕСТНОКоней
в колхоз
не отдают

В непростой ситуации оказалось нынешнее руководство совхоза "Заря коммунизма" Кормянского района. С разрешения прежнего директора весь табун совхозных лошадей безвозмездно раздали местному населению.

В качестве отступного предлагалось единственное условие: если впоследствии у кобыл появятся жеребята, их необходимо вернуть на совхозный двор. Времена изменились, поменялось совхозное руководство. И многие из тех, кто занимал вороных и буланых, рассудили по-своему. За жеребят они требуют "плату". И то верно! Кобыла — животное частное, следовательно, и жеребенок тоже.

Олег СМОЛЯКОВ.

Плате
для
лейтенанта

Грозные тучи сгустились над некоторыми гомельскими подразделениями объединения "Охрана" при МВД Республики Беларусь.

Не успели еще прохрустеть чернилами на прокурорской санкционке на арест начальника вневедомственной охраны Новобелицкого района, капитана милиции С., как под стражу заключили лейтенанта милиции Иринчу С. — дежурную пуля по охране промышленно-торговой фирмы "8 Марта". По версии следствия, с "санки" первого на комбинате воровали мясо, а вторая оказалась замешана в коллективном хищении из красильного цеха ткани на сумму более 50 миллионов рублей.

Анатолий ГОТОВИЦ.
Чужие здесь
не ходят

В последнее время белорусская железная дорога стала настоящим Клондайком для любителей легкой наживы. Однако идущие на промысел цветных металлов не всегда могут рассчитывать на успех.

Так, недавно работниками транспортной милиции была задержана группа, которая на протяжении длительного времени в отстое Минского моторного завода вырезала межвагонные соединения электропоездов. В результате преступной деятельности злоумышленников было выведено из строя около 10 составов электричек. Среди задержанных — бывшие железнодорожники, хорошо знающие, где и как добыть желанную медь. Задержана еще одна преступная группа из 6 человек, которые занимались воровством мелких секций и радиаторов тепловозов. Среди неудачников также оказался железнодорожник.

Мария АНИЩЕНКО.

Именем Республики Беларусь

Заключение
Конституционного суда
Республики Беларусь

О соответствии Конституции указа Президента Республики Беларусь от 4 августа 1994 г. № 19 "О создании Управления делами Президента Республики Беларусь" в части передачи издательства "Белорусский Дом печати" в ведение Управления делами Президента Республики Беларусь, указов Президента Республики Беларусь от 5 августа 1994 г. № 27 "О создании Национальной государственной телерадиокомпании Республики Беларусь" и от 28 сентября 1994 г. № 128 "Вопросы национальной государственной телерадиокомпании Республики Беларусь" в отношении конституционности — председатели Конституционного суда Тихонин В.Г., судьи Васильевич Г.А., Кеня К.И., Пастухова М.И., Середы Н.М., Тиховича С.И., Фадеева В.А., Филиппчик Р.И.

с участием представителей: группы депутатов Верховного Совета, внесших предложение о проверке конституционности актов, — Наумича С.И., а также депутатов Алампиева В.П., Бельянского Ю.А., Заволоцкого В.Н., Крайновского Н.К., Малахова В.А., Крайновского П.В., Семидиновой Г.Г., Трусова О.А., Шута А.А. и представителей Президента Республики Беларусь: первого заместителя председателя Национальной государственной телерадиокомпании Республики Беларусь, Марысина А.В. — начальника государственного правового управления администрации Президента Республики Беларусь, Хоружика Л.И. — первого заместителя управляющего делами Президента Республики Беларусь;

экспертов: Головако А.А. — профессора кафедры конституционного права Белорусского государственного университета, доктора юридических наук; Стрельцова В.В. — профессора кафедры теории и практики современной журналистики Белорусского государственного университета, доктора филологических наук;

специалистов: Довнар Н.Н. — адвоката Минской областной коллегии адвокатов, руководителя Центра правовой помощи журналистам и писателям; Лапина И.И. — главного специалиста отдела сравнительного правоведения Белорусского института государственного строительства и законодательства;

Рассказ-быль

Землянка

Александр
ВИНОКУРОВ
(Россоносский район,
деревня Голубово)

Родился Вася тшедушым, слабенким и хромым — левая нога была коротче правой. Врожденная скромность, неумение защитить себя делали его беззащитным перед сверстниками, а иногда и побоями взрослых. Да что сверстники! Даже взрослые нередко задавали мальчику жестокие глумливые вопросы. Мама, замечавшая его от прожженного через их деревню демобилизованного солдата, не могла огорчить своего сына от унижений, так как часто прикладывалась к спиритному.

Мальчик увлекался рисованием. Васьин пейзажи зачерпывали своеобразным видением природы: солнце в его картинах не только посылало людям свет и согревало, оно ласкало и обнимало их; дикие звери не рычали на человека, а, казалось, были готовы поиграть с ним.

Как-то у Васьиной бабушки оставались тридцатилетний художник Вагин из города, проводивший свои выходные дни на рыбалке у реки и дальнего лесного озера. Васьин рисунки ему нравились. Но еще больше художнику импонировала какая-то застенчивая доброжелательность подростка. Они подружались, поскольку Михаил Семенович сам вырос в детстве и был лишен родительской ласки.

Приехав в очередной отпуск в деревню, Вагин охотно взял Васю с собой в турпоход к лесному озеру, окруженному со всех сторон топкими болотами. На лесистом полуострове они поставили палатку, нанесли туда охапки веток, на которые положили пустые матрацы. Затем на костре приготовили уху, пшенную кашу и чай. Вагин замечал, как охотно выполнял парнишка все его просьбы по хозяйству.

Лучи заходящего солнца освещали крохотную полянку на озерном полуострове каким-то необычайно теплым и ласковым светом.

Вася с восхищением смотрел. — Какая красота!

— Да, такая божественная благодать бывает не всегда, — заметил Михаил Семенович.

Оба попытались выразить свое душевное состояние в рисунках, которые получились у каждого по-своему выразительными.

Когда ложиться спать, Вагин погладил мальчишку по голове и прижал к себе. И тут-то чувства Васи прорвались наружу. Он обхватил художника руками за шею и, захлебываясь слезами, прошептал:

— Дядя Миша, как мне хорошо с тобой.

Мальчишка впервые в жизни погладил рукой по голове...

— Надо спать, Василек, — такими словами Михаил Семенович пытался прервать словесные излияния и поток слез несчастного подростка, так как боялся расплакаться сам. Но все-таки не сдержался в проявлении хотя бы бессловесной нежности и еще крепче обнял парнишку. А тот обхватил руками обаятельного дядю, уткнулся в бок — в такой позе и уснул.

Но Вагин не мог спать. В голове с обостренной четкостью всплывали собственные душевные, житейские мытарства.

После гибели мамы тетя определила шестилетнего Мишу в детский дом, где он прожил до окончания 10-го класса. Кто был его отец, не знал.

Все эти годы Миша общался с хорошими и плохими людьми, но в основном это были люди, равнодушные к страданиям других.

У каждого свои представления о счастье. Для Миши оно заключалось в том, чтобы встретить доброго человека, которого бы он полюбил. Такой, казалось, была Катя...

Попустить в художественное училище не удалось — не прошел по конкурсу. В армию служил в политуравлении художником. После демобилизации продолжал работать по своей специальности в заводском клубе. Заработки были средними. После свадьбы с Катей им дали комнату в коммуналке. Появилась дочка. Мало-помалу настроение женщины менялось. В разговорах с мужем все чаще в его адрес летело Катюше определение — "неудачник в жизни": и зарплата у него мизерная, и комната их только для нищих. С каждым днем усиливалось отращивание к жене, просто не хотелось возвращаться домой после работы. Наконец, решился: собрал однажды свой нехитрый скарб в чемоданик и ушел от семьи в общежитие к большому другу. Полученный через несколько дней зарплату поделил пополам и одну половину отдал жене. Супруга подала в суд на алименты, ей выговорили было получить 50 процентов его зарплаты, чем 25 — после суда. Сам Михаил жил впроголодь, да и одевался более чем скромно.

Жизненные невзгоды усиливали в нем чувство одиночества и безысходности. В выходные и праздничные дни он, как правило, уходил в окрестные поля и леса, близко подступавшие к городу. В один из таких походов заблудился и только часам к десяти вечера вышел к окрестной незнакомой деревне. Здесь его и приютила на ночь Васьина бабушка. Утром он расколол все дровяные чурбаки во дворе, нанеся воды из колодца. Вагин отказывался, но старушка заставила его вкусить поздравитель. Неожиданно для себя Михаил Семенович напросился у хозяйки приехать к ней в выходные дни. Старая женщина с радостью согласилась и просила его приезжать в любое время.

Вот здесь, у бабушки, Вася и познакомился с Вагиным.

Заехал к бабушке Марине. От нее узнал о смерти Вагина и его воле быть погребенным на деревенском кладбище. Услышав от старушки рассказ о таинственном и бесследном исчезновении внука, Вася был ошеломлен. Само время, казалось, остановилось.

И вдруг! — как разряд молнии — страшная догадка пронзала его: "А не в землянке ли закончил свою жизнь наш Вася-Василек? Ведь самое счастливое время в своей жизни он провел на озерном полуострове вместе с Вагиным, смерть которого сделала для парня дальнейшее существование бессмысленным".

И я решился.

Проснувшись в половине пятого утра и выпив кружку молока, отправился в поход к озеру. Шестидесятикилометровый путь прошел за три с лишним часа. Но примерно в километре от озера мне пришлось потратить еще часа полтора, так как

вспомнил, что забыл взять с собой топор, пила, молоток и гвозди — сделали бы мы с тобой, Василек, настоящий подземный дворец.

Вася вначале промолчал, но минут через пятнадцать сказал своему старшему другу:

— Дядя Миша, мне нужно сходить домой. Я вернусь часов через десять.

Возвратился парнишка поздно ночью с мешком за спиной, в котором были топор, молоток и килограмм да разных гвоздей. В руках он нес пилу.

Через несколько дней землянка была готова. Внутри были сделаны нары, столик, скамейка. Там пахло свежим сеном, набитым в матрацы.

С каждым новым приходом Михаила Семеновича и Васи на озерный полуостров землянка все больше пополнялась рабочим инстру-

ментом и хозяйственной посудой, а вход в нее маскировался все тщательнее, настолько тщательно, что заметить его кому-то постороннему было почти невозможно.

Однажды Михаил Семенович пригласил меня на рыбалку в свой лесной угодок. Я охотно согласился и не разочаровался. Меня приятно поразило свободно-непринужденные отношения между этими двумя людьми. Отношения, лишенные поисков материальных и других выходов друг в друга. Они делали ту или иную работу с удовольствием, зная, что она нужна не только для него, но и для друга. Ни разу за два дня не заметил, чтобы кто-нибудь из них предъявлял претензии к другому. Если Вагин старался проявлять свою любовь и заботу о мальчике сдержанно, незаметно, то Василек, еще не научившийся скрывать своих чувств, так и лущился от счастья выполнять любую просьбу своего старшего друга.

Я завидовал их искренней и нежной дружбе. Хотя они и были внимательны ко мне, но на ту доверительность, которая была между нами, я не мог рассчитывать.

Мне не удалось порываться вместе еще не раз. Но неожиданная моя длительная заграничная командировка, а позже и переезд в другой город помешали этим намерениям.

Говорят, что несчастье не ходит в одиночку. Через три с лишним года после знакомства с бабушкой Мариной и ее внуком Васей Михаил Семенович умер от рака легких. Перед смертью очень просил похоронить его не в городе, а на кладбище рядом с деревней, где жил Вася.

Смерть Вагина пробила в душе теперь уже семидесятилетнего юноши огромную брешь, он не находил себе места. Почти каждый день навлекая могилу своего друга. Уходил, бывало, на озерный полуостров и жил там по несколько дней.

В конце лета, положив в рюкзаки Мишину куртку, альбом с рисунками, дневник и свои записи, Василек опять отправился в поход. Он прошлся с бабушкой привычно сдержанно, но как-то неуловимо нежно и печально.

Года через три я вновь побывал в тех местах.

Заехал к бабушке Марине. От нее узнал о смерти Вагина и его воле быть погребенным на деревенском кладбище. Услышав от старушки рассказ о таинственном и бесследном исчезновении внука, Вася был ошеломлен. Само время, казалось, остановилось.

И вдруг! — как разряд молнии — страшная догадка пронзала его: "А не в землянке ли закончил свою жизнь наш Вася-Василек? Ведь самое счастливое время в своей жизни он провел на озерном полуострове вместе с Вагиным, смерть которого сделала для парня дальнейшее существование бессмысленным".

И я решился.

Проснувшись в половине пятого утра и выпив кружку молока, отправился в поход к озеру. Шестидесятикилометровый путь прошел за три с лишним часа. Но примерно в километре от озера мне пришлось потратить еще часа полтора, так как

вспомнил, что забыл взять с собой топор, пила, молоток и гвозди — сделали бы мы с тобой, Василек, настоящий подземный дворец.

Вася вначале промолчал, но минут через пятнадцать сказал своему старшему другу:

— Дядя Миша, мне нужно сходить домой. Я вернусь часов через десять.

Возвратился парнишка поздно ночью с мешком за спиной, в котором были топор, молоток и килограмм да разных гвоздей. В руках он нес пилу.

Через несколько дней землянка была готова. Внутри были сделаны нары, столик, скамейка. Там пахло свежим сеном, набитым в матрацы.

С каждым новым приходом Михаила Семеновича и Васи на озерный полуостров землянка все больше пополнялась рабочим инстру-

ментом и хозяйственной посудой, а вход в нее маскировался все тщательнее, настолько тщательно, что заметить его кому-то постороннему было почти невозможно.

Однажды Михаил Семенович пригласил меня на рыбалку в свой лесной угодок. Я охотно согласился и не разочаровался. Меня приятно поразило свободно-непринужденные отношения между этими двумя людьми. Отношения, лишенные поисков материальных и других выходов друг в друга. Они делали ту или иную работу с удовольствием, зная, что она нужна не только для него, но и для друга. Ни разу за два дня не заметил, чтобы кто-нибудь из них предъявлял претензии к другому. Если Вагин старался проявлять свою любовь и заботу о мальчике сдержанно, незаметно, то Василек, еще не научившийся скрывать своих чувств, так и лущился от счастья выполнять любую просьбу своего старшего друга.

Я завидовал их искренней и нежной дружбе. Хотя они и были внимательны ко мне, но на ту доверительность, которая была между нами, я не мог рассчитывать.

Мне не удалось порываться вместе еще не раз. Но неожиданная моя длительная заграничная командировка, а позже и переезд в другой город помешали этим намерениям.

Говорят, что несчастье не ходит в одиночку. Через три с лишним года после знакомства с бабушкой Мариной и ее внуком Васей Михаил Семенович умер от рака легких. Перед смертью очень просил похоронить его не в городе, а на кладбище рядом с деревней, где жил Вася.

Смерть Вагина пробила в душе теперь уже семидесятилетнего юноши огромную брешь, он не находил себе места. Почти каждый день навлекая могилу своего друга. Уходил, бывало, на озерный полуостров и жил там по несколько дней.

В конце лета, положив в рюкзаки Мишину куртку, альбом с рисунками, дневник и свои записи, Василек опять отправился в поход. Он прошлся с бабушкой привычно сдержанно, но как-то неуловимо нежно и печально.

Года через три я вновь побывал в тех местах.

Заехал к бабушке Марине. От нее узнал о смерти Вагина и его воле быть погребенным на деревенском кладбище. Услышав от старушки рассказ о таинственном и бесследном исчезновении внука, Вася был ошеломлен. Само время, казалось, остановилось.

И вдруг! — как разряд молнии — страшная догадка пронзала его: "А не в землянке ли закончил свою жизнь наш Вася-Василек? Ведь самое счастливое время в своей жизни он провел на озерном полуострове вместе с Вагиным, смерть которого сделала для парня дальнейшее существование бессмысленным".

И я решился.

Проснувшись в половине пятого утра и выпив кружку молока, отправился в поход к озеру. Шестидесятикилометровый путь прошел за три с лишним часа. Но примерно в километре от озера мне пришлось потратить еще часа полтора, так как

вспомнил, что забыл взять с собой топор, пила, молоток и гвозди — сделали бы мы с тобой, Василек, настоящий подземный дворец.

Вася вначале промолчал, но минут через пятнадцать сказал своему старшему другу:

— Дядя Миша, мне нужно сходить домой. Я вернусь часов через десять.

Возвратился парнишка поздно ночью с мешком за спиной, в котором были топор, молоток и килограмм да разных гвоздей. В руках он нес пилу.

Через несколько дней землянка была готова. Внутри были сделаны нары, столик, скамейка. Там пахло свежим сеном, набитым в матрацы.

С каждым новым приходом Михаила Семеновича и Васи на озерный полуостров землянка все больше пополнялась рабочим инстру-

ментом и хозяйственной посудой, а вход в нее маскировался все тщательнее, настолько тщательно, что заметить его кому-то постороннему было почти невозможно.

Однажды Михаил Семенович пригласил меня на рыбалку в свой лесной угодок. Я охотно согласился и не разочаровался. Меня приятно поразило свободно-непринужденные отношения между этими двумя людьми. Отношения, лишенные поисков материальных и других выходов друг в друга. Они делали ту или иную работу с удовольствием, зная, что она нужна не только для него, но и для друга. Ни разу за два дня не заметил, чтобы кто-нибудь из них предъявлял претензии к другому. Если Вагин старался проявлять свою любовь и заботу о мальчике сдержанно, незаметно, то Василек, еще не научившийся скрывать своих чувств, так и лущился от счастья выполнять любую просьбу своего старшего друга.

Я завидовал их искренней и нежной дружбе. Хотя они и были внимательны ко мне, но на ту доверительность, которая была между нами, я не мог рассчитывать.

Мне не удалось порываться вместе еще не раз. Но неожиданная моя длительная заграничная командировка, а позже и переезд в другой город помешали этим намерениям.

Говорят, что несчастье не ходит в одиночку. Через три с лишним года после знакомства с бабушкой Мариной и ее внуком Васей Михаил Семенович умер от рака легких. Перед смертью очень просил похоронить его не в городе, а на кладбище рядом с деревней, где жил Вася.

Смерть Вагина пробила в душе теперь уже семидесятилетнего юноши огромную брешь, он не находил себе места. Почти каждый день навлекая могилу своего друга. Уходил, бывало, на озерный полуостров и жил там по несколько дней.

В конце лета, положив в рюкзаки Мишину куртку, альбом с рисунками, дневник и свои записи, Василек опять отправился в поход. Он прошлся с бабушкой привычно сдержанно, но как-то неуловимо нежно и печально.

Года через три я вновь побывал в тех местах.

Заехал к бабушке Марине. От нее узнал о смерти Вагина и его воле быть погребенным на деревенском кладбище. Услышав от старушки рассказ о таинственном и бесследном исчезновении внука, Вася был ошеломлен. Само время, казалось, остановилось.

И вдруг! — как разряд молнии — страшная догадка пронзала его: "А не в землянке ли закончил свою жизнь наш Вася-Василек? Ведь самое счастливое время в своей жизни он провел на озерном полуострове вместе с Вагиным, смерть которого сделала для парня дальнейшее существование бессмысленным".

И я решился.

Проснувшись в половине пятого утра и выпив кружку молока, отправился в поход к озеру. Шестидесятикилометровый путь прошел за три с лишним часа. Но примерно в километре от озера мне пришлось потратить еще часа полтора, так как

вспомнил, что забыл взять с собой топор, пила, молоток и гвозди — сделали бы мы с тобой, Василек, настоящий подземный дворец.

Вася вначале промолчал, но минут через пятнадцать сказал своему старшему другу:

— Дядя Миша, мне нужно сходить домой. Я вернусь часов через десять.

Возвратился парнишка поздно ночью с мешком за спиной, в котором были топор, молоток и килограмм да разных гвоздей. В руках он нес пилу.

Через несколько дней землянка была готова. Внутри были сделаны нары, столик, скамейка. Там пахло свежим сеном, набитым в матрацы.

С каждым новым приходом Михаила Семеновича и Васи на озерный полуостров землянка все больше пополнялась рабочим инстру-

ментом и хозяйственной посудой, а вход в нее маскировался все тщательнее, настолько тщательно, что заметить его кому-то постороннему было почти невозможно.

Однажды Михаил Семенович пригласил меня на рыбалку в свой лесной угодок. Я охотно согласился и не разочаровался. Меня приятно поразило свободно-непринужденные отношения между этими двумя людьми. Отношения, лишенные поисков материальных и других выходов друг в друга. Они делали ту или иную работу с удовольствием, зная, что она нужна не только для него, но и для друга. Ни разу за два дня не заметил, чтобы кто-нибудь из них предъявлял претензии к другому. Если Вагин старался проявлять свою любовь и заботу о мальчике сдержанно, незаметно, то Василек, еще не научившийся скрывать своих чувств, так и лущился от счастья выполнять любую просьбу своего старшего друга.

Я завидовал их искренней и нежной дружбе. Хотя они и были внимательны ко мне, но на ту доверительность, которая была между нами, я не мог рассчитывать.

Мне не удалось порываться вместе еще не раз. Но неожиданная моя длительная заграничная командировка, а позже и переезд в другой город помешали этим намерениям.

Говорят, что несчастье не ходит в одиночку. Через три с лишним года после знакомства с бабушкой Мариной и ее внуком Васей Михаил Семенович умер от рака легких. Перед смертью очень просил похоронить его не в городе, а на кладбище рядом с деревней, где жил Вася.

Смерть Вагина пробила в душе теперь уже семидесятилетнего юноши огромную брешь, он не находил себе места. Почти каждый день навлекая могилу своего друга. Уходил, бывало, на озерный полуостров и жил там по несколько дней.

В конце лета, положив в рюкзаки Мишину куртку, альбом с рисунками, дневник и свои записи, Василек опять отправился в поход. Он прошлся с бабушкой привычно сдержанно, но как-то неуловимо нежно и печально.

Года через три я вновь побывал в тех местах.

Заехал к бабушке Марине. От нее узнал о смерти Вагина и его воле быть погребенным на деревенском кладбище. Услышав от старушки рассказ о таинственном и бесследном исчезновении внука, Вася был ошеломлен. Само время, казалось, остановилось.

И вдруг! — как разряд молнии — страшная догадка пронзала его: "А не в землянке ли закончил свою жизнь наш Вася-Василек? Ведь самое счастливое время в своей жизни он провел на озерном полуострове вместе с Вагиным, смерть которого сделала для парня дальнейшее существование бессмысленным".

И я решился.

Проснувшись в половине пятого утра и выпив кружку молока, отправился в поход к озеру. Шестидесятикилометровый путь прошел за три с лишним часа. Но примерно в километре от озера мне пришлось потратить еще часа полтора, так как

вспомнил, что забыл взять с собой топор, пила, молоток и гвозди — сделали бы мы с тобой, Василек, настоящий подземный дворец.

Когда-то Машеров мечтал
поставить этот памятник
в центре Полесья

Мемориальный комплекс "Клятва" планировалось соорудить в местах партизанского движения. Инициатором его сооружения стал Петр Микрович Машеров. Тогда был объявлен республиканский конкурс. Из всех работ, выставленных на "смотр", Петру Микровичу больше всего понравилась композиция молодого белорусского скульптора Павла Цомпеля.

— Я согласен быть у вас прорабом, но чтобы работа, которую вы задумали, завершилась как можно скорее, — сказал во всеуслышание первый секретарь ЦК КПБ. И дал победителю конкурса свой служебный телефон, строго предупредив: — Звонить только по существу сооружения памятника.

Гибель П.М.Машерова помешала осуществлению плана. Проект заморозили. Прошло больше десяти лет. Все стало очень дорого. Так что пришлось Павлу Цомпелю искать спонсоров. Откликнулись, правда, не бизнесмены, а власти Житковичей. Там теперь и будет сооружен этот памятник. Экспертная комиссия Министерства культуры считает, что он станет одним из лучших в республике.

Виктор ОЗЕРОВ.

□ Рабочая модель памятника.

ЛУК-СЕВОК (Венгрия)

КУРИНЫЕ ЯЙЦА 1-й категории

Тел.: (0172) 263-287, 262-556 (факс).

Социальный характер одной
опасной болезни

В 1994 году в Минске выявлено 521 больной активными формами туберкулеза. Из них — 18 детей и подростков. От этого недуга смертность выше, чем от всех инфекционных болезней вместе взятых. Она в сравнении с предыдущим годом увеличилась в 2,6 раза.

Николай ВАСИЛЕВСКИЙ.

Чаше всего туберкулез подвержены ослабленные, социально деформированные люди: алкоголики, наркоманы, бомжи, а также бывшие заключенные (каждый пятый из вновь выявленных больных туберкулезом отбывал срок в местах лишения свободы).

Как нас околпачивают

Терпение и труд все
перетрут. Селедку,
колбасу, даже гнилые
апельсины...

Алесь СИВЫЙ

То, что нас, обыкновенных покупателей, в магазинах "надувают", — не секрет. Секрет — как "надувают".

Приткрыть тайную завесу чисто случайно помогла одна работница торговли, фамилию которой по понятным причинам мы не называем. Разно как не называем и магазин, откуда похернул материал (попробуй затем доказать, что ты, образно говоря, не верблюд). А вот узнать, как перекачиваются наши деньги в белоснежные карманы продавцов, думаю, стоит всем. А посему — слово моей собеседнице.

"Самое доходное место в магазине — отдел, именуемый кафе-термом. Люди, забежавшие сюда выпить чашку кофе и скушать бутерброд, как правило, ничем не возмущаются. Да и откуда им знать, что на ведерко кинята должно завариваться 200 г кофе, а не сто, как это делается у нас. Или же к бутерброду с "чайной" (дешевой колбасой) приставляется ценик якобы "Особой" (дорогой). Кто будет проверять, какой там сорт лежит на батоне? Более того! На бутерброды идут в прямом смысле колбасные отходы из соответствующего отдела. Истек срок колбасы, позеленела она — в кафе-терм. Сняла селедку — ничего. Помыл, поскребил, внутренности выбросил и — гудеть ее покупателям под названием "Бутерброд с сельдью".

Однажды к нам пришли проверяющие, кажется, из санстанции. Посмотрели, что на витрине зеленая колбаса подается

РЕПОРТЕР УЗНАЛ

Весна
"рождает"
болезни

Как сообщила врач-эпидемиолог городского Центра гигиены и эпидемиологии Галина Горбатюк, в марте этого года в Минске отмечено 4388 случаев заболеваний инфекционными болезнями.

По сравнению с аналогичным периодом прошлого года увеличилась заболеваемость сальмонеллезом — в 2,7 раза (144 случая, из них детей до 14 лет — 78, взрослых — 66; наибольшая заболеваемость — в Советском и Центральном районах), скарлатиной — в 2,8 раза (61 случай, из них 57 детей до 14 лет), свинкой — в 5,6 раза (12 случаев, из них двое детей). Заболеваемость гепатитом — 77, и ситуация считается удовлетворительной.

Николай ВАСИЛЕВСКИЙ.

КРИМИНАЛ

Ахоўнік, які
падзарабляе...
рэкетам

У Мінску на праспекце Скарыны супраўноўнік у праваўніцтва па барацьбе з арганізаванай злачыннасцю і апэратыўнага вышуку МУС б'е шуму і пылу? Загравае ахоўніка недзяржаўнага агенства баяскіх хлопцаў вельмі надзейнымі справамі. У прыватнасці, прадставіўшы супраўноўнікам у праваўніцтва па барацьбе з арганізаванай злачыннасцю, пагражаў дзюм мясцовым маладым жанчынам прыцягнуць іх да кримінальнай адказнасці за прастытуты. Праўда, толькі ў тым выпадку, калі не будуць дзяліцца "заработкамі". Спацатку ахоўнік абмежаваўся вымагаць па 100 долараў. А што ў рэальнасці атрымала, вызначыць суд.

Форма —
камуфляжная,
а дэзерціры —
сапраўдныя

Ноччу пакінулі пост і зніклі ў невідомым напрамку два радавыя, якія праходзяць тэрытоўную службу ў Мінскай дэзерціры. У камуфляжнай форме, узорчатых аўтаматах з баявымі патронамі. Першыя пошукі не прынеслі поспеху. Дзе хаваюцца ўзбешы, пакінуў што ясна. Вадаю толькі, што адзін з іх ураджэнец Малаўты, а другі — з Барысава.

Паквапіліся
на віно
і пралілі кроў

Вось якую гісторыю раскажаў дзюжурнаму Светлагарскага гарадзкага міліцыяўскага райнага прапрадзеднага "Прастыты".

Калі дзясяці вечара ў яго старожку паступілі тры невідомыя. Ён адчыніў ім вароты. Прывітаўшы імігненна прывітаў іх, а потым іх пачалі збіваць. Трыяж тым часам працягваў ахоўную тэрыторыю, дзе былі складзеныя спіртныя напіткі.

Вартаўніку ўсё ж удалося ўхлысці ад удараў, што сыпаліся градамі. Ён выбіў нож. Тым жа нажом ён удараў па чарзе двух зламыснікаў. Трыяж, які паспеў прыхапіць 32 бутэлькі віна, хоць і ўбег, але пакідаўшы на ім паспеў — звалілі міліцыянеры.

Уладзімір СТРАЎСЬКІ, Белінфарм.

Усмійнемся з мастаком!

Дети —
"заключенные"

Елена МОЛОЧКО

Ребенок-инвалид... Увы, число их растёт год от года. Но что твердо гарантирует наше государство этим детям — так это неминущую изоляцию от общества.

Я не знаю, почему моя память сохранила этот минутный уличный эпизод 15-летней давности. Возможно, в наказание... На проспекте около кинотеатра "Октябрь" я встретила группу инвалидов-подростков. Они шли, вернее, передвигались, медленно, с усилием. Ноги, искривленные, видны, полиомелитом, шаркали по асфальту. Руки с увеличенными, вывернутыми суставами дергались не в такт... А в глазах светилась какая-то отчаянная радость, словно весь этот мир они видели впервые.

Я остановилась, помяну, как вкопанная. Нарядная вечерняя улица, центр города, а тут... Мороз по коже. Мое двадцатилетнее существо, зановое от молодости и здоровья, было поражено и уязвлено одновременно. "Зачем их выпустили?" — пронеслось вдруг в голове.

До сих пор не стирается из сознания этот эпизод. И всякий раз, вспоминая его, я на секунду закрываю глаза, потому что стыд обжигает нутро: пусть мгновения, но я была безжалостна... Продукт системы, я жила, не представляя, что в нашей "юной прекрасной стране" примерно треть сограждан — инвалиды с детства. А не вижу я их лишь потому, что инвалидность, физические пороки могут быть у нас настоящей виной, которая наказуема, как преступление — жестокой изоляцией от общества. Тех подростков, что встретила у "Октября", действительно, видимо, выпустили!

Может, какая-то добрая душа снисхождалась. А вообще-то наше гуманное общество не позволяло "портить вывеску": по-прежнему здоровые люди — как козирная карта идеологии — считались завоеванием социализма. Инвалиды были спрятаны в интернаты за высокими заборами. Счастливы были в семьях, но также и несчастны. Об инвалидных колясках с компьютерным управлением мы тогда слышать не слышали. Да если б у кого и появились, случись что, наши лестничные пролеты, тротуары, неприспособленные автобусы никакой компьютер не поможет преодолеть.

Прошло десять лет с начала перестройки. Мы перестали заботиться о хорошей мике при плохой игре. Мы вообще, кажется, перестали заботиться о чем бы то ни было. Между тем 35 процентов всех рождающихся детей — это будущие инвалиды с тяжелым повреждением головного мозга. Цифра растёт ежегодно.

Классическая медицина по-прежнему бесцельна. А общество по инерции равнодушно. Иллюзии, будто у горя есть точно выверенный маршрут и надо просто не попадать ему на пути, делают нас счастливыми глупцами. До поры до времени...

От этой трагедии не застрахован никто. И когда она выбирает твою семью, понимаешь, как бездарно-беспечно жну люди.

На восьмом месяце беременности Людмила Гутко заболела гриппом. Высокая температура держалась несколько дней, потом довольно быстро пошла на поправку. Родила она сына в срок, быстро, без травм. Но на первое кормление ребенка матери не принесли. Утомленная эмоциями, колоссальным напряжением, Людмила, хоть и была в недоумении и обиде (соседи по палате уже держали младенцев и ахали), поначалу не придавала этому большого значения. Но когда и на следующий день ей не показали сына, возмущалась. Фельдшер по профессии, она быстро уговорила старшую медсестру выдать ей белый халат и разрешить пойти в детскую. Ее сын безмятежно сопел в две дырочки.

— Не нравится мальчик нам что-то, — осторожно сказала ей врач, когда Людмила бросилась к ней за разъяснениями. — Двигательные функции выражены слабо. — Помолчал, врач добавила в утешение: — Но глаза хорошие...

Она потом чуть ли не целый год слышала от докторов эту фразу: "Не нравится...". И ничего определенного? Лечить? Но от чего? Диагноз не ясен. В страхе и надежде одновременно Людмила металась по профессорам, делкам-бабкам, по экстрасенсах. Невыносимо бездействовать! Но и результатов ее сверхсилы не давали никаких. Мальчик развивался плохо. От усталости и напряжения в затылке день и ночь гудели колокола. Весь мир сузился до трех слов: детский церебральный паралич. Да или нет? Да... или все-таки есть надежда!

Но в том-то и коварство болезни, что некоторые ее формы можно выявить только к году. А установив, кусать локти от отчаяния: драгоценное время, когда ежедневный массаж и физиотерапия могут быть только немного смягчить грубые формы ДЦП, упущено! Так случилось и с ее Костиком. "Мама, — сказала наконец где-то на исходе второго года кожателю по клиникам старший профессор Людмила, — не дергайтесь понапрасну. Уже ничего не поможет. Ваш сын — круглый нуль. Сдавайте его пока не поздно!"

В тот момент Людмила показала, что с ней живьем сняли кожу...

Но жестокость иногда отрезвляет. Правда, сказанная так грубо, так беспощадно, вдруг заставила Людмилу посмотреть глубже в лицо. Ее сын, ее Костик, сохранил неизлечимо боль. Он никогда не научился сидеть, ходить, держать голову. Даже лежать. Его маленькое тело болело будет скручивать жутком. Мышцы — всегда в спертости. Он не сможет самостоятельно есть, опраляться. По ночам сон ему будет недоступен: пораженный инфекцией в утробе матери ствол головного мозга никогда не узнает покоя.

Ясность ситуации лишь укрупнила проблемы. Как наладить быт в семье? Бросать работу? Но сможет ли муж прокормить на свою одну зарплату семью, где есть еще старший сын? И как его вырастить без комплексов, не ущемляя?

— Сдавайте ребенка! — без колебаний советовали врачи. У Людмилы темнело в глазах, но она отвечала: — Мы выдержим!

— Кого вы жалуете? — брезгливо морщились родные и друзья: они видели в Костике лишь "человеческий брак".

— Он на свет не просился! А родила — буду и смотреть...

Это оказалось еще одним испытанием для Людмилы: даже близкие люди не готовы были принять существование ее сына-инвалида в семье "на равных". Непонимание граничило с раздражением по поводу самой Людмилы — она что, хочет быть святой? Поддерживал муж. Но и он однажды от бессонных ночей и стонів сломаился: "Не могу больше!" Людмила онемела от предчувствия...

Вмешалось providence. Через несколько дней реабилитационную бригаду больницы скорой помощи, в которой фельдшер работал муж Людмилы, вызвали в интернат, в котором жили дети с тяжелыми нарушениями развития.

Прежде чем сесть за эту статью, я тоже навестила дом-интернат в Новинках. Кстати, к нему даже дороги нет. Севернее в указанную сторону с шоссе, мы блуждали на машине среди заборов, гаражей, пустых, мусорных дворов. Пейзаж был сталкерский. Потом у меня в горле целый день не проходил спазм. На вопросы я отвечала не могла. Нет, не физические недостатки искалеченных недугами детей так поразили меня. Но нищета, но скудность, но запал... Литовцы, которые, обрета самостоятельность, тут же изменили всю систему содержания детей-инвалидов на пансионатную, теперь с содроганием называли наши интернаты "туалами".

О Европе промолчу, в Германии, например, на ребенка среди заборов, гаражей, пустых, мусорных дворов. Пейзаж был сталкерский. Потом у меня в горле целый день не проходил спазм. На вопросы я отвечала не могла. Нет, не физические недостатки искалеченных недугами детей так поразили меня. Но нищета, но скудность, но запал... Литовцы, которые, обрета самостоятельность, тут же изменили всю систему содержания детей-инвалидов на пансионатную, теперь с содроганием называли наши интернаты "туалами".

О Европе промолчу, в Германии, например, на ребенка среди заборов, гаражей, пустых, мусорных дворов. Пейзаж был сталкерский. Потом у меня в горле целый день не проходил спазм. На вопросы я отвечала не могла. Нет, не физические недостатки искалеченных недугами детей так поразили меня. Но нищета, но скудность, но запал... Литовцы, которые, обрета самостоятельность, тут же изменили всю систему содержания детей-инвалидов на пансионатную, теперь с содроганием называли наши интернаты "туалами".

О Европе промолчу, в Германии, например, на ребенка среди заборов, гаражей, пустых, мусорных дворов. Пейзаж был сталкерский. Потом у меня в горле целый день не проходил спазм. На вопросы я отвечала не могла. Нет, не физические недостатки искалеченных недугами детей так поразили меня. Но нищета, но скудность, но запал... Литовцы, которые, обрета самостоятельность, тут же изменили всю систему содержания детей-инвалидов на пансионатную, теперь с содроганием называли наши интернаты "туалами".

О Европе промолчу, в Германии, например, на ребенка среди заборов, гаражей, пустых, мусорных дворов. Пейзаж был сталкерский. Потом у меня в горле целый день не проходил спазм. На вопросы я отвечала не могла. Нет, не физические недостатки искалеченных недугами детей так поразили меня. Но нищета, но скудность, но запал... Литовцы, которые, обрета самостоятельность, тут же изменили всю систему содержания детей-инвалидов на пансионатную, теперь с содроганием называли наши интернаты "туалами".

О Европе промолчу, в Германии, например, на ребенка среди заборов, гаражей, пустых, мусорных дворов. Пейзаж был сталкерский. Потом у меня в горле целый день не проходил спазм. На вопросы я отвечала не могла. Нет, не физические недостатки искалеченных недугами детей так поразили меня. Но нищета, но скудность, но запал... Литовцы, которые, обрета самостоятельность, тут же изменили всю систему содержания детей-инвалидов на пансионатную, теперь с содроганием называли наши интернаты "туалами".

О Европе промолчу, в Германии, например, на ребенка среди заборов, гаражей, пустых, мусорных дворов. Пейзаж был сталкерский. Потом у меня в горле целый день не проходил спазм. На вопросы я отвечала не могла. Нет, не физические недостатки искалеченных недугами детей так поразили меня. Но нищета, но скудность, но запал... Литовцы, которые, обрета самостоятельность, тут же изменили всю систему содержания детей-инвалидов на пансионатную, теперь с содроганием называли наши интернаты "туалами".

О Европе промолчу, в Германии, например, на ребенка среди заборов, гаражей, пустых, мусорных дворов. Пейзаж был сталкерский. Потом у меня в горле целый день не проходил спазм. На вопросы я отвечала не могла. Нет, не физические недостатки искалеченных недугами детей так поразили меня. Но нищета, но скудность, но запал... Литовцы, которые, обрета самостоятельность, тут же изменили всю систему содержания детей-инвалидов на пансионатную, теперь с содроганием называли наши интернаты "туалами".

О Европе промолчу, в Германии, например, на ребенка среди заборов, гаражей, пустых, мусорных дворов. Пейзаж был сталкерский. Потом у меня в горле целый день не проходил спазм. На вопросы я отвечала не могла. Нет, не физические недостатки искалеченных недугами детей так поразили меня. Но нищета, но скудность, но запал... Литовцы, которые, обрета самостоятельность, тут же изменили всю систему содержания детей-инвалидов на пансионатную, теперь с содроганием называли наши интернаты "туалами".

О Европе промолчу, в Германии, например, на ребенка среди заборов, гаражей, пустых, мусорных дворов. Пейзаж был сталкерский. Потом у меня в горле целый день не проходил спазм. На вопросы я отвечала не могла. Нет, не физические недостатки искалеченных недугами детей так поразили меня. Но нищета, но скудность, но запал... Литовцы, которые, обрета самостоятельность, тут же изменили всю систему содержания детей-инвалидов на пансионатную, теперь с содроганием называли наши интернаты "туалами".

О Европе промолчу, в Германии, например, на ребенка среди заборов, гаражей, пустых, мусорных дворов. Пейзаж был сталкерский. Потом у меня в горле целый день не проходил спазм. На вопросы я отвечала не могла. Нет, не физические недостатки искалеченных недугами детей так поразили меня. Но нищета, но скудность, но запал... Литовцы, которые, обрета самостоятельность, тут же изменили всю систему содержания детей-инвалидов на пансионатную, теперь с содроганием называли наши интернаты "туалами".

О Европе промолчу, в Германии, например, на ребенка среди заборов, гаражей, пустых, мусорных дворов. Пейзаж был сталкерский. Потом у меня в горле целый день не проходил спазм. На вопросы я отвечала не могла. Нет, не физические недостатки искалеченных недугами детей так поразили меня. Но нищета, но скудность, но запал... Литовцы, которые, обрета самостоятельность, тут же изменили всю систему содержания детей-инвалидов на пансионатную, теперь с содроганием называли наши интернаты "туалами".

О Европе промолчу, в Германии, например, на ребенка среди заборов, гаражей, пустых, мусорных дворов. Пейзаж был сталкерский. Потом у меня в горле целый день не проходил спазм. На вопросы я отвечала не могла. Нет, не физические недостатки искалеченных недугами детей так поразили меня. Но нищета, но скудность, но запал... Литовцы, которые, обрета самостоятельность, тут же изменили всю систему содержания детей-инвалидов на пансионатную, теперь с содроганием называли наши интернаты "туалами".

О Европе промолчу, в Германии, например, на ребенка среди заборов, гаражей, пустых, мусорных дворов. Пейзаж был сталкерский. Потом у меня в горле целый день не проходил спазм. На вопросы я отвечала не могла. Нет, не физические недостатки искалеченных недугами детей так поразили меня. Но нищета, но скудность, но запал... Литовцы, которые, обрета самостоятельность, тут же изменили всю систему содержания детей-инвалидов на пансионатную, теперь с содроганием называли наши интернаты "туалами".

О Европе промолчу, в Германии, например, на ребенка среди заборов, гаражей, пустых, мусорных дворов. Пейзаж был сталкерский. Потом у меня в горле целый день не проходил спазм. На вопросы я отвечала не могла. Нет, не физические недостатки искалеченных недугами детей так поразили меня. Но нищета, но скудность, но запал... Литовцы, которые, обрета самостоятельность, тут же изменили всю систему содержания детей-инвалидов на пансионатную, теперь с содроганием называли наши интернаты "туалами".

О Европе промолчу, в Германии, например, на ребенка среди заборов, гаражей, пустых, мусорных дворов. Пейзаж был сталкерский. Потом у меня в горле целый день не проходил спазм. На вопросы я отвечала не могла. Нет, не физические недостатки искалеченных недугами детей так поразили меня. Но нищета, но скудность, но запал... Литовцы, которые, обрета самостоятельность, тут же изменили всю систему содержания детей-инвалидов на пансионатную, теперь с содроганием называли наши интернаты "туалами".

О Европе промолчу, в Германии, например, на ребенка среди заборов, гаражей, пустых, мусорных дворов. Пейзаж был сталкерский. Потом у меня в горле целый день не проходил спазм. На вопросы я отвечала не могла. Нет, не физические недостатки искалеченных недугами детей так поразили меня. Но нищета, но скудность, но запал... Литовцы, которые, обрета самостоятельность, тут же изменили всю систему содержания детей-инвалидов на пансионатную, теперь с содроганием называли наши интернаты "туалами".

О Европе промолчу, в Германии, например, на ребенка среди заборов, гаражей, пустых, мусорных дворов. Пейзаж был сталкерский. Потом у меня в горле целый день не проходил спазм. На вопросы я отвечала не могла. Нет, не физические недостатки искалеченных недугами детей так поразили меня. Но нищета, но скудность, но запал... Литовцы, которые, обрета самостоятельность, тут же изменили всю систему содержания детей-инвалидов на пансионатную, теперь с содроганием называли наши интернаты "туалами".

О Европе промолчу, в Германии, например, на ребенка среди заборов, гаражей, пустых, мусорных дворов. Пейзаж был сталкерский. Потом у меня в горле целый день не проходил спазм. На вопросы я отвечала не могла. Нет, не физические недостатки искалеченных недугами детей так поразили меня. Но нищета, но скудность, но запал... Литовцы, которые, обрета самостоятельность, тут же изменили всю систему содержания детей-инвалидов на пансионатную, теперь с содроганием называли наши интернаты "туалами".

О Европе промолчу, в Германии, например, на ребенка среди заборов, гаражей, пустых, мусорных дворов. Пейзаж был сталкерский. Потом у меня в горле целый день не проходил спазм. На вопросы я отвечала не могла. Нет, не физические недостатки искалеченных недугами детей так поразили меня. Но нищета, но скудность, но запал... Литовцы, которые, обрета самостоятельность, тут же изменили всю систему содержания детей-инвалидов на пансионатную, теперь с содроганием называли наши интернаты "туалами".

О Европе промолчу, в Германии, например, на ребенка среди заборов, гаражей, пустых, мусорных дворов. Пейзаж был сталкерский. Потом у меня в горле целый день не проходил спазм. На вопросы я отвечала не могла. Нет, не физические недостатки искалеченных недугами детей так поразили меня. Но нищета, но скудность, но запал... Литовцы, которые, обрета самостоятельность, тут же изменили всю систему содержания детей-инвалидов на пансионатную, теперь с содроганием называли наши интернаты "туалами".

О Европе промолчу, в Германии, например, на ребенка среди заборов, гаражей, пустых, мусорных дворов. Пейзаж был сталкерский. Потом у меня в горле целый день не проходил спазм. На вопросы я отвечала не могла. Нет, не физические недостатки искалеченных недугами детей так поразили меня. Но нищета, но скудность, но запал... Литовцы, которые, обрета самостоятельность, тут же изменили всю систему содержания детей-инвалидов на пансионатную, теперь с содроганием называли наши интернаты "туалами".

О Европе промолчу, в Германии, например, на ребенка среди заборов, гаражей, пустых, мусорных дворов. Пейзаж был сталкерский. Потом у меня в горле целый день не проходил спазм. На вопросы я отвечала не могла. Нет, не физические недостатки искалеченных недугами детей так поразили меня. Но нищета, но скудность, но запал... Литовцы, которые, обрета самостоятельность, тут же изменили всю систему содержания детей-инвалидов на пансионатную, теперь с содроганием называли наши интернаты "туалами".

О Европе промолчу, в Германии, например, на ребенка среди заборов, гаражей, пустых, мусорных дворов. Пейзаж был сталкерский. Потом у меня в горле целый день не проходил спазм. На вопросы я отвечала не могла. Нет, не физические недостатки искалеченных недугами детей так поразили меня. Но нищета, но скудность, но запал... Литовцы, которые, обрета самостоятельность, тут же изменили всю систему содержания детей-инвалидов на пансионатную, теперь с содроганием называли наши интернаты "туалами".

О Европе промолчу, в Германии, например, на ребенка среди заборов, гаражей, пустых, мусорных дворов. Пейзаж был сталкерский. Потом у меня в горле целый день не проходил спазм. На вопросы я отвечала не могла. Нет, не физические недостатки искалеченных недугами детей так поразили меня. Но нищета, но скудность, но запал... Литовцы, которые, обрета самостоятельность, тут же изменили всю систему содержания детей-инвалидов на пансионатную, теперь с содроганием называли наши интернаты "туалами".

О Европе промолчу, в Германии, например, на ребенка среди заборов, гаражей, пустых, мусорных дворов. Пейзаж был сталкерский. Потом у меня в горле целый день не проходил спазм. На вопросы я отвечала не могла. Нет, не физические недостатки искалеченных недугами детей так поразили меня. Но нищета, но скудность, но запал... Литовцы, которые, обрета самостоятельность, тут же изменили всю систему содержания детей-инвалидов на пансионатную, теперь с содроганием называли наши интернаты "туалами".

О Европе промолчу, в Германии, например, на ребенка среди заборов, гаражей, пустых, мусорных дворов. Пейзаж был сталкерский. Потом у меня в горле целый день не проходил спазм. На вопросы я отвечала не могла. Нет, не физические недостатки искалеченных недугами детей так поразили меня. Но нищета, но скудность, но запал... Литовцы, которые, обрета самостоятельность, тут же изменили всю систему содержания детей-инвалидов на пансионатную, теперь с содроганием называли наши интернаты "туалами".

О Европе промолчу, в Германии, например, на ребенка среди заборов, гаражей, пустых, мусорных дворов. Пейзаж был сталкерский. Потом у меня в горле целый день не проходил спазм. На вопросы я отвечала не могла. Нет, не физические недостатки искалеченных недугами детей так поразили меня. Но нищета, но скудность, но запал... Литовцы, которые, обрета самостоятельность, тут же изменили всю систему содержания детей-инвалидов на пансионатную, теперь с содроганием называли наши интернаты "туалами".

О Европе промолчу, в Германии, например, на ребенка среди заборов, гаражей, пустых, мусорных дворов. Пейзаж был сталкерский. Потом у меня в горле целый день не проходил спазм. На вопросы я отвечала не могла. Нет, не физические недостатки искалеченных недугами детей так поразили меня. Но нищета, но скудность, но запал... Литовцы, которые, обрета самостоятельность, тут же изменили всю систему содержания детей-инвалидов на пансионатную, теперь с содроганием называли наши интернаты "туалами".

О Европе промолчу, в Германии, например, на ребенка среди заборов, гаражей, пустых, мусорных дворов. Пейзаж был сталкерский. Потом у меня в горле целый день не проходил спазм. На вопросы я отвечала не могла. Нет, не физические недостатки искалеченных недугами детей так поразили меня. Но нищета, но скудность, но запал... Литовцы, которые, обрета самостоятельность, тут же изменили всю систему содержания детей-инвалидов на пансионатную, теперь с содроганием называли наши интернаты "туалами".

О Европе промолчу, в Германии, например, на ребенка среди заборов, гаражей, пустых, мусорных дворов. Пейзаж был сталкерский. Потом у меня в горле целый день не проходил спазм. На вопросы я отвечала не могла. Нет, не физические недостатки искалеченных недугами детей так поразили меня. Но нищета, но скудность, но запал... Литовцы, которые, обрета самостоятельность, тут же изменили всю систему содержания детей-инвалидов на пансионатную, теперь с содроганием называли наши интернаты "туалами".

О Европе промолчу, в Германии, например, на ребенка среди заборов, гаражей, пустых, мусорных дворов. Пейзаж был сталкерский. Потом у меня в горле целый день не проходил спазм. На вопросы я отвечала не могла. Нет, не физические недостатки искалеченных недугами детей так поразили меня. Но нищета, но скудность, но запал... Литовцы, которые, обрета самостоятельность, тут же изменили всю систему содержания детей-инвалидов на пансионатную, теперь с содроганием называли наши интернаты "туалами".

О Европе промолчу, в Германии, например, на ребенка среди заборов, гаражей, пустых, мусорных дворов. Пейзаж был сталкерский. Потом у меня в горле целый день не проходил спазм. На вопросы я отвечала не могла. Нет, не физические недостатки искалеченных недугами детей так поразили меня. Но нищета, но скудность, но запал... Литовцы, которые, обрета самостоятельность, тут же изменили всю систему содержания детей-инвалидов на пансионатную, теперь с содроганием называли наши интернаты "туалами".

О Европе промолчу, в Германии, например, на ребенка среди заборов, гаражей, пустых, мусорных дворов. Пейзаж был сталкерский. Потом у меня в горле целый день не проходил спазм. На вопросы я отвечала не могла. Нет, не физические недостатки искалеченных недугами детей так поразили меня. Но нищета, но скудность, но запал... Литовцы, которые, обрета самостоятельность, тут же изменили всю систему содержания детей-инвалидов на пансионатную, теперь с содроганием называли наши интернаты "туалами".

О Европе промолчу, в Германии, например, на ребенка среди заборов, гаражей, пустых, мусорных дворов. Пейзаж был сталкерский. Потом у меня в горле целый день не проходил спазм. На вопросы я отвечала не могла. Нет, не физические недостатки искалеченных недугами детей так поразили меня. Но нищета, но скудность, но запал... Литовцы, которые, обрета самостоятельность, тут же изменили всю систему содержания детей-инвалидов на пансионатную, теперь с содроганием называли наши интернаты "туалами".

О Европе промолчу, в Германии, например, на ребенка среди заборов, гаражей, пустых, мусорных дворов. Пейзаж был сталкерский. Потом у меня в горле целый день не проходил спазм. На вопросы я отвечала не могла. Нет, не физические недостатки искалеченных недугами детей так поразили меня. Но нищета, но скудность, но запал... Литовцы, которые, обрета самостоятельность, тут же изменили всю систему содержания детей-инвалидов на пансионатную, теперь с содроганием называли наши интернаты "туалами".

О Европе промолчу, в Германии, например, на ребенка среди заборов, гаражей, пустых, мусорных дворов. Пейзаж был сталкерский. Потом у меня в горле целый день не проходил спазм. На вопросы я отвечала не могла. Нет, не физические недостатки искалеченных недугами детей так поразили меня. Но нищета, но скудность, но запал... Литовцы, которые, обрета самостоятельность, тут же изменили всю систему содержания детей-инвалидов на пансионатную, теперь с содроганием называли наши интернаты "туалами".

О Европе промолчу, в Германии, например, на ребенка среди заборов, гаражей, пустых, мусорных дворов. Пейзаж был сталкерский. Потом у меня в горле целый день не проходил спазм. На вопросы я отвечала не могла. Нет, не физические недостатки искалеченных недугами детей так поразили меня. Но нищета, но скудность, но запал... Литовцы, которые, обрета самостоятельность, тут же изменили всю систему содержания детей-инвалидов на пансионатную, теперь с содроганием называли наши интернаты "туалами".

О Европе промолчу, в Германии, например, на ребенка среди заборов, гаражей, пустых, мусорных дворов. Пейзаж был сталкерский. Потом у меня в горле целый день не проходил спазм. На вопросы я отвечала не могла. Нет, не физические недостатки искалеченных недугами детей так поразили меня. Но нищета, но скудность, но запал... Литовцы, которые, обрета самостоятельность, тут же изменили всю систему содержания детей-инвалидов на пансионатную, теперь с содроганием называли наши интернаты "туалами".

О Европе промолчу, в Германии, например, на ребенка среди заборов, гаражей, пустых, мусорных дворов. Пейзаж был сталкерский. Потом у меня в горле целый день не проходил спазм. На вопросы я отвечала не могла. Нет, не физические недостатки искалеченных недугами детей так поразили меня. Но нищета, но скудность, но запал... Литовцы, которые, обрета самостоятельность, тут же изменили всю систему содержания детей-инвалидов на пансионатную, теперь с содроганием называли наши интернаты "туалами".

О Европе промолчу, в Германии, например, на ребенка среди заборов, гаражей, пустых, мусорных дворов. Пейзаж был сталкерский. Потом у меня в горле целый день не проходил спазм. На вопросы я отвечала не могла. Нет, не физические недостатки искалеченных недугами детей так поразили меня. Но нищета, но скудность, но запал... Литовцы, которые, обрета самостоятельность, тут же изменили всю систему содержания детей-инвалидов на пансионатную, теперь с содроганием называли наши интернаты "туалами".

О Европе промолчу, в Германии, например, на ребенка среди заборов, гаражей, пустых, мусорных дворов. Пейзаж был сталкерский. Потом у меня в горле целый день не проходил спазм. На вопросы я отвечала не могла. Нет, не физические недостатки искалеченных недугами детей так поразили меня. Но нищета, но скудность, но запал... Литовцы, которые, обрета самостоятельность, тут же изменили всю систему содержания детей-инвалидов на пансионатную, теперь с содроганием называли наши интернаты "туалами".

О Европе промолчу, в Германии, например, на ребенка среди заборов, гаражей, пустых, мусорных дворов. Пейзаж был сталкерский. Потом у меня в горле целый день не проходил спазм. На вопросы я отвечала не могла. Нет, не физические недостатки искалеченных недугами детей так поразили меня. Но нищета, но скудность, но запал... Литовцы, которые, обрета самостоятельность, тут же изменили всю систему содержания детей-инвалидов на пансионатную, теперь с содроганием называли наши интернаты "туалами".

О Европе промолчу, в Германии, например, на ребенка среди заборов, гаражей, пустых, мусорных дворов. Пейзаж был сталкерский. Потом у меня в горле целый день не проходил спазм. На вопросы я отвечала не могла. Нет, не физические недостатки искалеченных недугами детей так поразили меня. Но нищета, но скудность, но запал... Литовцы, которые, обрета самостоятельность, тут же изменили всю систему содержания детей-инвалидов на пансионатную, теперь с содроганием называли наши интернаты "туалами".

О Европе промолчу, в Германии

3 АМЕЖЖА

ТАР-ТАСС * ІНТЭРФАКС * НАРОДНАЯ ГАЗЕТА *

Пульс дня Што вінен, аддаць павінен

СЕУЛ. Перагаворы паміж прадстаўніцкай Расійскай Федэрацыі і Расійскай Федэрацыяй у рабочым узроўні аб пагадненні задоўжнасці Масквы Сеулу завяршыліся ў паўднёвакарэйскай сталіцы. Мяркуючы пакрыху запавядаючы пастаўкамі ў Паўднёвую Карэю гатовай прамысловай прадукцыі і сыравіны.

Пра Чэцню яшчэ даведаюцца...

КАПЕНГАГЕН. На пасяджэнні пастаяннага камітэта Парламентскай асамблеі АБСЕ, якое пройдзе ў даўняй сталіцы, як чакаецца, выступіць асабіста прадстаўнік старшыні АБСЕ Штэфан Дэрыш. Ён мае намер праінфармаваць усе членскія форуму аб сітуацыі ў Чэчні і аб выніках сваіх перагавораў у Расіі па гэтай праблеме.

Ахвяры ёсць, немалыя...

НЬЮ-ЁРК. Колькасць ахвяр выбуху ў Аклахома-Сіці дасягнула 52 чалавек. Выратаваныя працягваюць даставаць трупы з-пад абломкаў. Па ўдакладненых даных, у адміністрацыйным будынку ў момант выбуху ў 9 гадзін 4 хвіліны раніцы знаходзіліся 810 чалавек. Лёс прыкладна 150 з іх да гэтага часу невядомы.

Два взгляда на проблему

Президент Билл Клинтон предложил, а члены НАТО согласились...

Выступая в подкомитете палаты представителей по зарубежным операциям, заместитель госсекретаря США Линн Дэвис заявила, что в период после окончания "холодной войны" необходимы "усилия по интеграции бывших коммунистических стран в сообщество западных демократических государств".

За последние два года, сказала Дэвис, "мы добились реального прогресса в использовании институтов европейской безопасности для достижения нашей главной задачи: построения стабильной, свободной, целостной и демократической Европы".

Для того, чтобы приблизить именно такой вариант будущего развития Европы, на саммите НАТО 1994 г. президент Билл Клинтон предложил, а члены НАТО согласились с его предложением — создать программу "Партнерство во имя мира" — первую в области международной безопасности, куда входят все страны Европы и представляющую собой главный инструмент, с помощью которого делается попытка построить новый европейский порядок в сфере международной безопасности. Программа "Партнерство во имя мира" создает рабочие условия как для эволюции НАТО, так и для последующего расширения этой организации.

США особенно заинтересованы в том, чтобы вовлечь в отношения с НАТО такие страны, как Украина и Беларусь.

Корр. ЮСИНА из Вашингтона.

На то и НАТО, чтобы поддерживать протитовариство

Республика Беларусь, как известно, в своей внешней политике исходит из принципов равенства государств, неприкосновенности границ и территориальной целостности, неприкосновенности границ и территориальной целостности, неприкосновенности границ и территориальной целостности.

Почему я так считаю? Во-первых, у нашего государства сейчас нет внешних врагов.

Во-вторых, сохраняя нейтралитет, стране и народу не придется тратить огромные средства на оборонные нужды.

В-третьих, Беларусь не станет мишенью в случае (не дай Бог, конечно!) военного конфликта в центре Европы.

И в-четвертых, 50-летний юбилей Великой Победы — хороший повод задуматься не только о цене жизни и смерти, но и о том, что пришло время не вжидать, не создавать "образ врага", а дружить с соседями близкими и дальними. Как говорят, "надо дружить домами".

Игорь МАСЛОВСКИЙ, слесарь по ремонту газового оборудования ПО "Бобруйскгазпром".

Америка вачыма беларуса

4. Дзякуй Богу, тут ніколі не рабілі фетышам нацыі ні серп з мопатам, ні сваістыку

Аляксандр КЛАСКОУСкі, спецыяльны карэспандэнт "Народнай газеты"

Калі вы думаеце, што тут на кожным кроку сустракаюцца індывідуумы з абліччам Сільвестра Сталона ці Джэймса Бонда, то ведаць памылка. Узорна-галівудскі тыпаж сярэднэтутэйшага людзі заўважылі нячаста. Куды часцей бачыш характэрна азіяцкіх, італьянскіх, яўрэйскіх, славянскіх рысы... Нашы імігранты, што вы хочаце!

Але вось усміхаюцца практычна ўсе яны сапраўды па-галівудску — адкрыта, шырока, проста аспляліва. Усміхаюцца прыбралыя ў гатэль і гандляры на вуліцы, вадацелі таксі і выпадковыя сустрэчныя пешаходы... Негр, што наразе пішу ў забягалаўцы, кожную талерку з чарговай порцыяй уручае, ззяючы такой дзіцячай радасцю, быццам бы ўсё жыццё марыў дагэдаць менавіта гэтакіх кліентаў.

Напачатку, калі ў памяці яшчэ пракручваюцца раз за раз сюжэты нашай аўтобусага да магазіннага побыту з калейдаскопам насулешных, раздзіраючых і лапурых твараў ("Жанчына, вас тут не стаяла"), гэтая азіяцкая амерыканская усмешка выклікае нават нейкі дыскамфорт, выбывае з калены. Ну чаго яны спрыс з зубамі сміюцца? Мо я забяўся гузік які зашпіліць?

Але, прабуўшы ў Штатах колькі часу, пачынаеш разумець, што усмешка тут — самы звычайны, самы натуральны выраз твару, змярочная ж фізіяномія лічыцца рэдкай аномаліяй.

Што і кажаць — амерыканкае жыццё дае непараўнальна больш падстаў для прыўзнятага настрою, чым наш мільён разоў праклятая жытка. Але ж і ў Амерыцы не кожны як сыр у масле качаецца. І тут шмат каго лёс балястаска б'е па самы дх.

Іншая справа, што тут няма традыцый пры любой нагодзе горка плакаць у камізэльку, пракаліваючы эпоху, урад і краіну, дзе даўно нарадзіцца. У Амерыцы сарана выглядае няўдачлівым, аўсайдарам. Таму Джон Сміт стараецца ўсміхацца нават тады, калі на душы шкрабунчы кошко. І часціком гэта сапраўды дапамагае выбытацца з непрыемнасцей. Перачытайце

Дэйла Карнегі. Не, не выпадкова гэты амерыканскі фаліянт напісаў менавіта амерыканца.

На далёкіх малях кіравалі са Стараго Свету самыя рашчучыя, лёткія на пад'ём, упэўненыя ў сваіх сілах людзі.

Іх энергія і прадпрымалінасць стварылі магутную эканоміку, заснаваную на простых, натуральных рынках законаў, на старажытных і невынішчальных, калі б хто ні бясцілі камуністы, матыне асабісты выгады.

Іх вальналюбства стварыла магутную дэмакратыю.

Каланісты Новага Свету ўзялі рашчучы бунт супраць дыктату фанатэрыстай брытанскай кароны — і перамаглі. Яны раз і назаўсёды вырашылі праблему свабоды слова і друку, прыняўшы энжамітую першую папайку да сваёй Канстытуцыі, што ўвогуле забараняе якім бы там ні было чынам абмяжоўваць гэтую святую свабоду.

І сёння Джон Сміт зусім не адчувае сябе выпіткам дзяржаўнай машыны. Ён згодны ўтрымліваць на сваё кроўныя долары чыноўніцкі апарат толькі дзеля таго, каб гэты апарат найлепей абслугоўваў ягонныя, Смітавы, інтарсы. І крыў Божа, каб дзяржава лезла туды, куды не трэба!

Так літаральна з нуля была створана фантастычна багатая, квітнечная, свабодная краіна.

Няварта, аднак, лічыць, што ўсё ішло як па масле. У адносна кароткай амерыканскай гісторыі таксама паспелі наламаць дроў: былі і крывавае "чыкагская бойня", і дурны "сухі закон" (памылаецеся, як Астап Бендер прадаваў зааіскімі вазжорам рэшт самагонкі), і расавыя бунты зусім недалёкіх 60-х гадоў, і в'етнамская аплыва, і скандальны "уотэргейт".

Адно, што Амерыку, дзякуй Богу, мінулы эпоху ідэалагічнага ласку, масавата пабудавана мааго. Тут ніколі не рабілі фетышам нацыі ні серп з мопатам, ні сваістыку... Лепей ужо — доллар.

Хоць увогуле "чысты", класічны капіталізм — дастаткова жорсткае рэч. Доты час тут, у Штатах, панаваў прыныш "індывідуалізму". Здолеў звабіць свой шанец, тут набыў партманет зялёнымі купонамі — ты кароль, ты зрываеш самыя духмяныя кветкі на лузе жыцця. Праграду, аступіўся, праграду ўдачу — гэта

Калі, вядома, не выбера такі лёс сам. Бо тут сапраўды не дзява ўбачыш карніш, што нагадаваць прапагандацкіх тэлепраграмаў нашых старых часоў. Побач з высачэзнымі небаскробамі і казанца раскошнымі вітрынамі — бамжы, што спяць на лаўках у скверы. Тут ёсць выраз "чалавек-машына". Ён тычыцца абсалют, зашматліваецца, звыклае пад паракідаць кайфам істоты, якая чытае ўсё свой скарб у чорным пластыкавым пакеце з-пад смечы.

Мой нью-йоркскі калега Уладзімір Левін кажа:

— Тут ведаеш, тры гады таму, толькі прыехаўшы сюды, я быў проста шакраваны гэтымі кантрастамі. Выхадзіць, не злусці наш партыйны публіцыст, распаўсюдчы пра бланкі, што трэба на рашчках лякрам, пра зборніцы наркамаў, пра стытутак, "томаку". Гэта потым я даведаўся, што тых бамжаў ледзь ці не сілком спрабуюць загнать у прытулак, накарміць, вылучыць, што з імі цацкае Армія Выратавання, але ў большасці выпадкаў — марна. Для пэўнай катэгорыі людзей такое існаванне — гэта таксама своеасабілава форма свабоды. Мне раскавалі пра аднаго бамжа, які ў халадзе праслізнуў у бібліятэку і задрапаў там. Бедака вытрыпіў... Але ён падаў у суд і атрымаў ледзь ці не мільён — за знявагу асобы.

Гэта — Амерыка.

Тут увогуле даводзіцца плаціць за ўсё.

Хочаш палюбавацца панарамай наваколя з верхавіны высотнага гмаху — калі ласка, дазвольце ўсім, але будзь ласкавы "адшпіліць" колькі долараў за пад'ём у хуткасным ліфце. Электроніка акуратна падлічыць, колькі разоў ты патэлефанаваў у горад з гатэль і на развітанне выдасць рахунак недзе каля долара за кожны званок... Вадацелі прытарможваюць ля вартавой будкі, каб аддаць купюру за праезд па прыватнай аўтадарозе. Калі

Тут увогуле даводзіцца плаціць за ўсё.

Хочаш палюбавацца панарамай наваколя з верхавіны высотнага гмаху — калі ласка, дазвольце ўсім, але будзь ласкавы "адшпіліць" колькі долараў за пад'ём у хуткасным ліфце. Электроніка акуратна падлічыць, колькі разоў ты патэлефанаваў у горад з гатэль і на развітанне выдасць рахунак недзе каля долара за кожны званок... Вадацелі прытарможваюць ля вартавой будкі, каб аддаць купюру за праезд па прыватнай аўтадарозе. Калі

Тут увогуле даводзіцца плаціць за ўсё.

Хочаш палюбавацца панарамай наваколя з верхавіны высотнага гмаху — калі ласка, дазвольце ўсім, але будзь ласкавы "адшпіліць" колькі долараў за пад'ём у хуткасным ліфце. Электроніка акуратна падлічыць, колькі разоў ты патэлефанаваў у горад з гатэль і на развітанне выдасць рахунак недзе каля долара за кожны званок... Вадацелі прытарможваюць ля вартавой будкі, каб аддаць купюру за праезд па прыватнай аўтадарозе. Калі

Тут увогуле даводзіцца плаціць за ўсё.

Хочаш палюбавацца панарамай наваколя з верхавіны высотнага гмаху — калі ласка, дазвольце ўсім, але будзь ласкавы "адшпіліць" колькі долараў за пад'ём у хуткасным ліфце. Электроніка акуратна падлічыць, колькі разоў ты патэлефанаваў у горад з гатэль і на развітанне выдасць рахунак недзе каля долара за кожны званок... Вадацелі прытарможваюць ля вартавой будкі, каб аддаць купюру за праезд па прыватнай аўтадарозе. Калі

Тут увогуле даводзіцца плаціць за ўсё.

Хочаш палюбавацца панарамай наваколя з верхавіны высотнага гмаху — калі ласка, дазвольце ўсім, але будзь ласкавы "адшпіліць" колькі долараў за пад'ём у хуткасным ліфце. Электроніка акуратна падлічыць, колькі разоў ты патэлефанаваў у горад з гатэль і на развітанне выдасць рахунак недзе каля долара за кожны званок... Вадацелі прытарможваюць ля вартавой будкі, каб аддаць купюру за праезд па прыватнай аўтадарозе. Калі

Тут увогуле даводзіцца плаціць за ўсё.

Хочаш палюбавацца панарамай наваколя з верхавіны высотнага гмаху — калі ласка, дазвольце ўсім, але будзь ласкавы "адшпіліць" колькі долараў за пад'ём у хуткасным ліфце. Электроніка акуратна падлічыць, колькі разоў ты патэлефанаваў у горад з гатэль і на развітанне выдасць рахунак недзе каля долара за кожны званок... Вадацелі прытарможваюць ля вартавой будкі, каб аддаць купюру за праезд па прыватнай аўтадарозе. Калі

Тут увогуле даводзіцца плаціць за ўсё.

Хочаш палюбавацца панарамай наваколя з верхавіны высотнага гмаху — калі ласка, дазвольце ўсім, але будзь ласкавы "адшпіліць" колькі долараў за пад'ём у хуткасным ліфце. Электроніка акуратна падлічыць, колькі разоў ты патэлефанаваў у горад з гатэль і на развітанне выдасць рахунак недзе каля долара за кожны званок... Вадацелі прытарможваюць ля вартавой будкі, каб аддаць купюру за праезд па прыватнай аўтадарозе. Калі



Помнік амерыканскім маракм, загінуўшым падчас другой сусветнай вайны.

толькі твае праблемы. Хай няўдачнік плача... Згадайце Акулу Додсана з расказа О'Генры: "Шкада, што твая гнядзя зламала нагу... Балівар выдыхнуўся, і дваіх яму не вытрымаў".

"Вялікая дэпрэсія" на мяжы 20—30-х гадоў прымушала амерыканскае грамадства страпанацца. І нават пазычыць што-нішто ў сацыялізма. Дзяржава стала больш актыўна — вядома ж, у разумных межах — рэгуляваць эканоміку. Пачалі множацца праграмы сацыяльнай абароны. Сёння Амерыка нікому са сваіх грамадзян не дае памерш ад галечы. Створана складаная, але даволі дзейная сістэма падтрымкі аўсайдару самага рознага кіталу — тых, каго напаткала беспрацоўе, хвароба, калецтва ці яшчэ якое ліха. Амерыканец кракча, выплачваючы ўнушальныя падаткі, але ж ведае, што ў выпадку чаго такога не падохне як сабака пад плотам.

Калі, вядома, не выбера такі лёс сам. Бо тут сапраўды не дзява ўбачыш карніш, што нагадаваць прапагандацкіх тэлепраграмаў нашых старых часоў. Побач з высачэзнымі небаскробамі і казанца раскошнымі вітрынамі — бамжы, што спяць на лаўках у скверы. Тут ёсць выраз "чалавек-машына". Ён тычыцца абсалют, зашматліваецца, звыклае пад паракідаць кайфам істоты, якая чытае ўсё свой скарб у чорным пластыкавым пакеце з-пад смечы.

Мой нью-йоркскі калега Уладзімір Левін кажа:

— Тут ведаеш, тры гады таму, толькі прыехаўшы сюды, я быў проста шакраваны гэтымі кантрастамі. Выхадзіць, не злусці наш партыйны публіцыст, распаўсюдчы пра бланкі, што трэба на рашчках лякрам, пра зборніцы наркамаў, пра стытутак, "томаку". Гэта потым я даведаўся, што тых бамжаў ледзь ці не сілком спрабуюць загнать у прытулак, накарміць, вылучыць, што з імі цацкае Армія Выратавання, але ў большасці выпадкаў — марна. Для пэўнай катэгорыі людзей такое існаванне — гэта таксама своеасабілава форма свабоды. Мне раскавалі пра аднаго бамжа, які ў халадзе праслізнуў у бібліятэку і задрапаў там. Бедака вытрыпіў... Але ён падаў у суд і атрымаў ледзь ці не мільён — за знявагу асобы.

Гэта — Амерыка.

Тут увогуле даводзіцца плаціць за ўсё.

Хочаш палюбавацца панарамай наваколя з верхавіны высотнага гмаху — калі ласка, дазвольце ўсім, але будзь ласкавы "адшпіліць" колькі долараў за пад'ём у хуткасным ліфце. Электроніка акуратна падлічыць, колькі разоў ты патэлефанаваў у горад з гатэль і на развітанне выдасць рахунак недзе каля долара за кожны званок... Вадацелі прытарможваюць ля вартавой будкі, каб аддаць купюру за праезд па прыватнай аўтадарозе. Калі

Тут увогуле даводзіцца плаціць за ўсё.

Хочаш палюбавацца панарамай наваколя з верхавіны высотнага гмаху — калі ласка, дазвольце ўсім, але будзь ласкавы "адшпіліць" колькі долараў за пад'ём у хуткасным ліфце. Электроніка акуратна падлічыць, колькі разоў ты патэлефанаваў у горад з гатэль і на развітанне выдасць рахунак недзе каля долара за кожны званок... Вадацелі прытарможваюць ля вартавой будкі, каб аддаць купюру за праезд па прыватнай аўтадарозе. Калі

Тут увогуле даводзіцца плаціць за ўсё.

Хочаш палюбавацца панарамай наваколя з верхавіны высотнага гмаху — калі ласка, дазвольце ўсім, але будзь ласкавы "адшпіліць" колькі долараў за пад'ём у хуткасным ліфце. Электроніка акуратна падлічыць, колькі разоў ты патэлефанаваў у горад з гатэль і на развітанне выдасць рахунак недзе каля долара за кожны званок... Вадацелі прытарможваюць ля вартавой будкі, каб аддаць купюру за праезд па прыватнай аўтадарозе. Калі

Тут увогуле даводзіцца плаціць за ўсё.

Хочаш палюбавацца панарамай наваколя з верхавіны высотнага гмаху — калі ласка, дазвольце ўсім, але будзь ласкавы "адшпіліць" колькі долараў за пад'ём у хуткасным ліфце. Электроніка акуратна падлічыць, колькі разоў ты патэлефанаваў у горад з гатэль і на развітанне выдасць рахунак недзе каля долара за кожны званок... Вадацелі прытарможваюць ля вартавой будкі, каб аддаць купюру за праезд па прыватнай аўтадарозе. Калі

Тут увогуле даводзіцца плаціць за ўсё.

Хочаш палюбавацца панарамай наваколя з верхавіны высотнага гмаху — калі ласка, дазвольце ўсім, але будзь ласкавы "адшпіліць" колькі долараў за пад'ём у хуткасным ліфце. Электроніка акуратна падлічыць, колькі разоў ты патэлефанаваў у горад з гатэль і на развітанне выдасць рахунак недзе каля долара за кожны званок... Вадацелі прытарможваюць ля вартавой будкі, каб аддаць купюру за праезд па прыватнай аўтадарозе. Калі

Тут увогуле даводзіцца плаціць за ўсё.

Хочаш палюбавацца панарамай наваколя з верхавіны высотнага гмаху — калі ласка, дазвольце ўсім, але будзь ласкавы "адшпіліць" колькі долараў за пад'ём у хуткасным ліфце. Электроніка акуратна падлічыць, колькі разоў ты патэлефанаваў у горад з гатэль і на развітанне выдасць рахунак недзе каля долара за кожны званок... Вадацелі прытарможваюць ля вартавой будкі, каб аддаць купюру за праезд па прыватнай аўтадарозе. Калі

Тут увогуле даводзіцца плаціць за ўсё.

Хочаш палюбавацца панарамай наваколя з верхавіны высотнага гмаху — калі ласка, дазвольце ўсім, але будзь ласкавы "адшпіліць" колькі долараў за пад'ём у хуткасным ліфце. Электроніка акуратна падлічыць, колькі разоў ты патэлефанаваў у горад з гатэль і на развітанне выдасць рахунак недзе каля долара за кожны званок... Вадацелі прытарможваюць ля вартавой будкі, каб аддаць купюру за праезд па прыватнай аўтадарозе. Калі

Тут увогуле даводзіцца плаціць за ўсё.

Хочаш палюбавацца панарамай наваколя з верхавіны высотнага гмаху — калі ласка, дазвольце ўсім, але будзь ласкавы "адшпіліць" колькі долараў за пад'ём у хуткасным ліфце. Электроніка акуратна падлічыць, колькі разоў ты патэлефанаваў у горад з гатэль і на развітанне выдасць рахунак недзе каля долара за кожны званок... Вадацелі прытарможваюць ля вартавой будкі, каб аддаць купюру за праезд па прыватнай аўтадарозе. Калі

табе пашчасціла мець лапкі зямлі ў добрым месцы, то ты, абсталяваўшы тут, напрыклад, платную стаянку легкавікоў, забяспечыш сябе на ўсё жыццё...

Распачынаюцца амерыканцы і заўзятны ім на шчыт ідэал свабоды.

Ты можаш без праблем купіць развальер, каб абараняць свой дом, свой набытак, але гэтак жа лёгка набыць смертаносную "цачку" і той, хто спецыялізуецца на абліччэнні чужых кішэню. У Нью-Йорку ёсць ліні метр, па якіх бзе асабілавы патрэбы ездзіць не раіць... Далараў за дваццаць плаціць можна ў перапынку між урокам прыбдыць "пушку" проста ў школьным туалете. І былі выпадкі, калі нямылі настаўнікі атрымліваў кую ў жытло...

Дарчы, і самі ліберальныя парадкі амерыканскай школы маюць свой адваротны бок. Так, малыя адчуваюць сябе тут лёгка і разнаўдольна. Але моты выхадзіць са школьных сцен, нават не навучыўшыся чытаць хая б па складах. У канцы 50-х, калі Саветы запусцілі першы касмічны спадарожнік, закрутае самадобрэа і стратэгічны інтарсы прымусілі амерыканцаў нават прыняць адмысловую дзяржаўную праграму, каб палепшыць выкладанне дакладных навук. Аднак і сёння дзеці нашых імігрантаў нярэдка прэца ўражваюць тутэйшых настаўнікаў феноменальным па іх мерках узроўнем ведаў — хоць гэты зусім не вулдарнік, а звычайны выхаванчы саваекай школы. Пасля расавых хваляванняў 60-х гадоў, калі чарнаскурыя хлапцукі і дзяўчынкі паўсюдна пачалі вучыцца разам з белымі, якасць адукацыі, на думку мношч, асабіла ўдлака, бо настаўнікі мусяць арыентавацца на ўзровень слабейшых, а менавіта негрыянскія дзеці па шэрагу аб'ектыўных прычын нярэдка адстаюць у сваім развіцці...

Увогуле, калі казаць пра расавыя праблемы, то хто-нішто ў Штатах сіцішана (утолас негэль!) канстатуе "эфект перагінну". Так, продкі сённяшніх беласкурых амерыканцаў доўжылі награвіць "заахочваючы" бізнумай на плантацыях вывезеных з Афрыкі рабоў. Але ж сёння, калі на адну вакансію, напрыклад, прэтэндуе адначасна патомак імігрантаў у тэманіа Альбіёна і патомак жыхара джунгляў, — выбіраць абавязкова апошняга, каб, крыў Божа, не ўзнікся лямант нахонт расізму.

Так даводзіцца плаціць па даўгах рабаўладальніцкай мінуўшчыны. Давадзіцца плаціць і за многія іншыя.

Свабода — дарагая рэч. Але, мусіць, яна каштуе таго.

Нью-Йорк—Мінск.

Фота аўтара.

Нью-Йорк—Мінск.

Нью-Йорк—Мінск.

Нью-Йорк—Мінск.

Нью-Йорк—Мінск.

Нью-Йорк—Мінск.

Нью-Йорк—Мінск.

Нью-Йорк—Мінск.

Нью-Йорк—Мінск.

Нью-Йорк—Мінск.

Нью-Йорк—Мінск.

Нью-Йорк—Мінск.

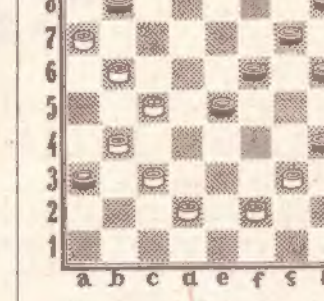
Нью-Йорк—Мінск.

Нью-Йорк—Мінск.

ШАШКИ

Подумайте и решите

Н.Торопов



Белые: пр. a3, b8, e5, f6, g7, h4, h6, h8 (8).
Чёрные: пр. a3, b8, e5, f6, g7, h4, h6, h8 (8).
Белые начинают и выигрывают.

Простая, выматывающая, любительская композиция конярыку расійскаго праблеміста Ніколая Торопова. Попробуйте найти эффективный путь к победе. Свои решения присылайте по адресу: 220013, Минск, ул. Б.Хмельницкого, 10а, редакция "Народной газеты", "Шахматы".

В сильнейшем составе
В Минске в республиканском Дворце шахмат и шашек проходил чемпионат Беларуси по международным шашкам среди мужчин. Соревнования проходились в Игоре Рыбаков (Гомель) — по сильнейшему составу участников. За золотую медаль чемпиона вели борьбу международные гроссмей-

стеры экс-чемпион мира Анатолий Гантварг, экс-чемпион СССР Александр Балкин, Александр Пресман, Евгений Ватугин, международные мастера Валерий Визинский, Александр Булатов, Игорь Рыбаков, сильнейшие мастера спорта Соревнования проходили в острой бескомпромиссной борьбе, исход которой решился лишь на самом финише турнира. Очень уверен

Кроссворд

9172) 68-25-28 — факс.
3, Мінск,
а.

Індэкс 63868

ікі Беларусь.

нядзелка. 250 разоў у год.

"Беларускі Дом дружы". Адрас:

91112
1112

Літвінко

